

Н. А. Папоркова

Образ М. Ю. Лермонтова в поэзии Б. А. Ахмадулиной

В статье рассматриваются различные формы отражения творческого наследия М. Ю. Лермонтова в художественном сознании поэтов других эпох, в частности, поэта Беллы Ахмадулиной. Предмет исследования – художественная интерпретация образа Лермонтова в двух стихотворениях Беллы Ахмадулиной: «Тоска по Лермонтову» (1964), «Лермонтов и дитя» (1973). Статья содержит подробный анализ этих стихотворений в различных аспектах.

Ключевые слова: Аллюзия, Ахмадулина, герой, Лермонтов, «лермонтовское присутствие», наследие, образ, поэт, реминисценция, романтический, стихотворение, текст.

N. A. Paporkova

Image of M. Ju. Lermontov in B. A. Akhmadullina's Poetry

This article discusses the various forms of reflection of Lermontov's creative heritage in the artistic consciousness of the poets of other ages, in particular, of Bella Akhmadulina. The subject of study is the artistic interpretation of Lermontov's image in two Akhmadulina's poems: "Longing for Lermontov" (1964), "Lermontov and a Child" (1973). This article contains a detailed analysis of these poems in various aspects.

Keywords: allusion, Akhmadulina, a hero, Lermontov, "Lermontov's presence", heritage, image, a poet, reminiscent, romantic, a poem, text.

Каким видится образ М. Ю. Лермонтова в зеркале множества эпох, прошедших со дня его трагической гибели? В книге воспоминаний «На берегах Невы» Ирина Одоевцева приводит следующее высказывание известного русского поэта Николая Гумилева: «Сколько трудов о Пушкине и как их мало о Лермонтове. Даже не существует термина для изучающих Лермонтова. Пушкинисты – да, но лермонтовисты – звучит странно. Лермонтовистов нет, и науки о Лермонтове еще нет, хотя давно пора понять, что Лермонтов в русской поэзии явление не меньшее, а в прозе несравненно большее. Вы удивлены? Я этого еще никогда не говорил вам? Да. Не говорил. И вряд ли когда-нибудь скажу или напишу в статье. И все же это мое глубокое, искреннее убеждение» [5, с. 110].

Лермонтов, став романтическим культурным героем эпохи «серебряного века», явился источником вдохновения для многих поэтов, и не только романтических. Эпохе «серебряного века», с ее трагической красотой, высокой духовной и интеллектуальной напряженностью во многом ближе именно образ Лермонтова, «ночного светила русской поэзии», чем Пушкина – «дневного». Появляясь в качестве лирического героя в стихотворениях К. Бальмонта, А. Блока,

А. Ахматовой и других поэтов «серебряного века», Лермонтов напоминает героев своих романтических поэм.

Но, чем далее мы уходим от легендарного «серебряного века» по направлению к нашему настоящему, тем отчетливее представляются несколько иные интерпретации образа Лермонтова. Можно сказать, что они все больше приобретают индивидуальную окраску, в зависимости от свойств художественного мира поэта.

Тема, к которой мы непосредственно обратимся – это образ М. Ю. Лермонтова в стихах Беллы Ахмадулиной (1937–2010). Эта поэтическая интерпретация оказывается скорее исключением, чем правилом, среди наиболее распространенных вариантов «лермонтовского присутствия» в художественном сознании поэтов.

По-прежнему странно и непривычно говорить о Белле Ахмадулиной в прошедшем времени. Ее жизнь прервалась совсем недавно, в декабре 2010 г. Еще недавно мы были ее современниками, а сейчас изучаем ее творчество как наследие прошлого, устремленного в вечность, вместе с творчеством Лермонтова.

Ее имя так родственно имени Анны Ахматовой, что и о нем тоже можно было бы сказать строкой Марины Цветаевой: «Это имя – огром-

ный вздох» [6, с. 82]. Но, при всем искушении назвать ее Ахматовой наших дней, не станем этого делать. Она была по-своему неповторима, воплощая в музыке своих стихов те небесные и земные дары, которыми не обладала – которые хранила трепетно и заботливо. Потому что слово «обладать» не сможет выразить того хрупкого и легкого жеста, которым она удерживала на ладони подаренный ей мир. И свою жизнь, и жизни тех, кому были адресованы ее строки.

Иногда критики называют ее стихи «слишком женскими». Но мы не можем согласиться с таким определением, потому что в нем есть некий оттенок пренебрежительности, подразумевающий узкий, ограниченный круг тем, сентиментально-слезливую интонацию и любовь к словесным украшениям, заменяющим точность и глубину, – все перечисленное совершенно не свойственно ее поэзии. Но в ее стихах есть женственность, как первоначальная данность, как философская категория и особый тип видения мира. Отражение, отблеск или воплощение той самой Вечной Женственности, воспетой Владимиром Соловьевым и Александром Блоком. И это свойство поэтического мира Белы Ахмадулиной позволяет ей воспринимать и художественно интерпретировать образ М. Ю. Лермонтова именно так, как явлен он в двух ее стихотворениях, посвященных его памяти. В этих стихотворениях Лермонтов – не романтический культурный герой, а беззащитный мальчик, на которого с материнской нежностью смотрит женщина-поэт. Белла Ахмадулина младше Лермонтова на 123 года, но ее взгляд на него – нежный взгляд матери на ребенка. Словно та любовь, которой был с младенчества лишен Лермонтов, которой он, может быть, всю жизнь напрасно искал, более чем столетие спустя прозвучала в поэтических строках.

Первое стихотворение «Тоска по Лермонтову» написано в 1964 г.:

О Грузия, лишь по твоей вине,
когда зима грязна и белоснежна,
печаль моя печальна не вполне,
не до конца надежда безнадежна.
Одну тебя я счастливо люблю,
я лишь твое лицо не лицемерно.
Рука твоя на голову мою
ложится благосклонно и целебно.
Мне не застать врасплох твоей любви.
Открытыми объятия ты держишь.
Все говоры, все шепоты твои
мне на ухо нашепчешь и утетишь.
Но в этот день не так я молода,
чтоб выбирать меж севером и югом.
Свершилась поздней осени беда,
былой уют украсив неуютом.

Лишь черный зонт в моих руках гремит.
Живой и мрачной силой он напрягся.
То, что тебя покинуть норовит, –
пускай покинет, что держать напрасно.
Я отпускаю зонт и не смотрю,
как будет он использовать свободу.
Я медленно иду по октябрю,
сквозь воду и холодную погоду.
В чужом дому, не знаю почему,
я бег моих колен остановила.
Вы пробовали жить в чужом дому?
Там хорошо. И вот как это было.
Был подвиг одиночества свершен.
И я могла уйти. Но так случилось,
что в этом доме, в ванной, жил сверчок.
поскрипывал, оказывал мне милость.
Моя душа тогда была слаба
и потому – с доверьем и тоскою –
тот слабый скрип, той песенки слова
я полюбила слабою душою.
Привыкла вскоре добрая семья,
что так, друг друга не опровергая,
два пустяка природы – он и я –
живут тихонько, песенки слагая.
Итак – я здесь. Мы по ночам не спим,
я запою – он отвечать умеет.
Ну, хорошо. А где же снам моим,
где им-то жить? Где их бездомность реет?
Они все там же, там, где я была,
где высочайший юноша вселенной
меж туч и солнца, меж добра и зла
стоял вверху горы уединенной.
О, там, под покровительством горы,
как в медленном недоуменье танца,
течения Арагвы и Куры
ни встретиться не могут, ни расстаться.
Внизу так чист, так мрачен Мцхетский храм.
Души его воинственна молитва.
В ней гром мечей, и лошадиный хrap,
и вечная за эту землю битва.
Где он стоял? Вот здесь, где монастырь
еще живет всей свежестью размаха,
где малый камень с легкостью вместили
великую тоску того монаха.
Что, мальчик мой, великий человек?
Что сделал ты, чтобы воскреснуть болью
в моем мозгу и чернотой меж век,
все плачущей над маленьким тобою?
И в этой, богом замкнутой судьбе,
в своей низжайшей муке превосходства,
хотя б сверчок любимому, тебе,
сверчок играл среди твоего сиротства?
Стой на горе! Не уходи туда,
где-только-то! – через четыре года
сомкнется над тобою навсегда
пустая, совершенная свобода!
Стой на горе! Я по твоим следам
найду тебя под солнцем, возле Мцхета.
Возьму себе всем зреньем, не отдам,
и ты спасен уже, и вечно это.
Стой на горе! Но чем к тебе добрей
чужой земли таинственная новость,
тем яростней соблазн земли твоей,
нужней ее сладчайшая суровость.

[1, с. 93–95].

Здесь текст биографии Лермонтова вплетается в пространство стихотворения и органично существует в нем. Природа Кавказа, любимая Лермонтовым, многим поэтам напоминает о нем неизменно. Небольшая лирическая предыстория, открывающая сюжет из жизни лирической героини, соединяет рисунок ее судьбы с линией жизни Лермонтова. Ретроспекция восстанавливает живой эпизод, бережно хранимый в памяти, и рождает его новое осознание и переживание в настоящем. Впервые появляется образ Лермонтова-мальчика и мотив материнской любви. Этот мотив развивается и дальше, приобретая новое звучание и художественное осмысление в следующем стихотворении – «Лермонтов и дитя».

Поэт Владимир Леонович в стихотворении «Зимние цветы для Беллы» очень тонко уловил и точно выразил эту грань образа Ахмадулиной:

Мамино словно – лицо предо мной,
мамина – стрелочка тонкого века,
мамина ласковость... Не обессудь,
что не слыхала таких комплиментов.
Это твоя материнская суть
Правит повсюду: «Мальчик мой Лермонтов...

[2, с. 179]

Стремление оградить, защитить «великого мальчика» Лермонтова от гибели, столь болезненно остро переживаемой лирической героиней, вызывает в ее душе и мыслях вопрос:

Что, мальчик мой, великий человек? /
Что сделал ты, чтобы воскреснуть болью
в моем мозгу и чернотой меж век,
все плачущей над маленьким тобою?

[1, с. 95]

Любые книжные, отрешенно-красивые и заученно-торжественные фразы о трагической гибели молодого поэта, о его незавершенном великом пути и так далее, теряются и меркнут перед этой безыскусной искренностью, в которой звучат и тихая нежность, и крик невыносимой боли.

Продолжается этот вопрос другим, не менее важным для лирической героини:

И в этой, богом замкнутой судьбе,
в своей низжайшей муке превосходства,
хотя б сверчок любимому, тебе,
сверчок играл средь твоего сиротства?

[1, с. 95].

В этом сближении «превосходства» и «сиротства» снова является нежное сострадание одиночеству поэта, его отчужденности от мира и гордости, которая в представлении лирической героини – не грех, а крест, не вина, а беда, лишь способ защиты от непонимания, от двойного

одиночества, которое влечет за собой неумение стать понятным и услышанным.

Стихотворение «Лермонтов и дитя» написано позднее, в 1973 г. Но если прочитать его первым, а «Тоску по Лермонтову» – следующим, то может возникнуть иллюзия, что одно, более раннее, является продолжением другого, более позднего. Причиной тому – углубление лирического размышления, активизация категории памяти, благодаря которой уже найденный образ возникает снова, но приобретает новые оттенки и грани:

Под сердцем, говорят. Не знаю.
Не вполне.
Вдруг сердце вознеслось
и взмыло надо мною,
сопутствовало мне стороннею луною,
и муки было в нем не боле, чем в луне.
Но люди говорят, и я так говорю.
Иначе как сказать?
Под сердцем – так под сердцем.
Вот сбился листопад.
Извечным этим средством
не пренебрег октябрь,
склоняясь к ноябрю.
Я все одна была, иль были мы одни
с тем странником,
чья жизнь все больше оживала.
Совпали блажь ума и надобность журнала –
о Лермонтове я писала в эти дни.
Тот, кто отныне стал значением моим,
кормился ручейком
невзрачным и целебным.
Мне снились по ночам
Васильчиков и Глебов.
Мой исподлобный взгляд
присматривался к ним.
Был город истомлен
бесснежным февралем,
но вскоре снег пошел,
и снега стало много.
В тот день потупил взор
невозмутимый Манго
пред пристальным моим
волшебным фонарем.
Зима еще была сохранна и цела.
А там – уже июль, гроза и поединок.
Мой микроскоп увяз
в двух неприглядных льдинах,
изъятых из глазниц лукавого царя.
Но некто рвался жить,
выпрашивал: «Скорей!»
Томился взаперти и в сердцевине круга.
Успею ль, боже мой,
как брата и как друга,
благословить тебя,
добрейший Шан-Гирей?
Все спуталось во мне.
И было все равно –
что Лермонтов, что тот, кто восходил из мрака.
Я рукопись сдала, когда в сугробах марга
слабело и текло водою серебро.
Вновь близится декабрь к финалу своему.

Снег сыплется с дерев, пока дитя ликует.
Но иногда оно затихнет и тоскует,
и только мне одной известно – по кому.

[1, с. 179–180]

Непривычны и удивительны и лирический сюжет стихотворения, и философские категории, представленные в нем, и метафизический смысл аллюзий и ассоциативных связей. Еще не успевший появиться на свет младенец, которого ожидает лирическая героиня, и Лермонтов – два параллельных образа-двойника. Один из них еще только ждет рождения на свет, другой – уже отделен от жизни вечной гранью. В этом Ахмадулина наследует мистическое миропонимание Лермонтова, для которого тайна рождения и смерти столь же близки: то, что рождается, отделяясь из предвечного пространства, потом возвращается в вечность, навсегда соединяясь с нею.

Весь лирический сюжет стихотворения «Ангел», написанного юным Лермонтовым, говорит о предвечной, будто бы заложенной еще до рождения, памяти человеческой души. В течение жизни эта память проявляется лишь в кратковременных вспышках и смутной тоске по «звукам небес» [3, с. 219]. Об этом свойстве не только стихотворения «Ангел», но и всей лермонтовской поэзии подробно написал Д. С. Мережковский в статье «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» [4].

Белла Ахмадулина, вслед за Лермонтовым, сближает две данные категории: предвечную память и память посмертную – в пространстве своего стихотворения. Но образ Лермонтова приближен к образу младенца не только в этом аспекте. По своему видению мира, по своей впечатлительности и ранимости он отождествляется в сознании лирической героини с беззащитным ребенком. Она пишет о поэте для журнала и проникается атмосферой его жизни, страданий и гибели.

Но ее восприятие – осмысленно, целенаправленно, а невольное, импульсивное восприятие еще не рожденного младенца – «родом из вечности», неосознанно, интуитивно, и тем самым в ее представлении ближе к истине. Только благодаря этому двойственному (точнее, двойному) восприятию она приближается к пониманию жизни Лермонтова с еще незнакомой стороны: она ощущает материнскую нежность к нему, родственную тому чувству, которое испытывает к своему будущему ребенку. Она переживает новый период в жизни, и материнство становится новой гранью ее видения мира:

Снег сыплется с дерев, пока дитя ликует.
Но иногда оно затихнет и тоскует,
и только мне одной известно – по кому.

Так замыкается круг вечности, из которой является одна жизнь и в которую навсегда уходит другая [1, с. 180]. И вновь этот мотив возвращает нас к первому стихотворению «Тоска по Лермонтову» и его строкам:

Стой на горе! Я по твоим следам
найду тебя под солнцем, возле Мцхета.
Возьму себе всем зреньем, не отдам,
и ты спасен уже, и вечно это.

[1, с. 95]

Эти строки – своего рода поэтический фотоснимок, запечатлевший навсегда одного поэта глазами другого, мальчика – глазами женщины-матери, ушедшего – глазами живой...

А сейчас читателю этих строк может представиться несколько иной фотоснимок: образ женщины-поэта, которая с нежностью и состраданием смотрит на юношу-поэта, но они уже не разделены ни временем, ни пространством: они находятся теперь в едином пространстве и в одной вечности...

Библиографический список

1. Ахмадулина, Б. А. Избранное. Стихи [Текст] / Б. А. Ахмадулина. – М. : Советский писатель, 1988. – 480 с.
2. Леонович, В. Н. Хозяин и гость. Книга стихов [Текст] / В. Н. Леонович. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Научный мир, 2000. – 368 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Лирика [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. : Эксмо-Пресс, 2008 – 352 с.
4. Мережковский, Д. С. Поэт сверхчеловечества [Текст] / Д. С. Мережковский // В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 378–416.
5. Одоевцева, И. В. На берегах Невы. Литературные мемуары [Текст] / И. В. Одоевцева [Вступ. статья К. Кедрова; Послесл. А. Сабова]. – М. : Худож. лит., 1989. – 334 с.
6. Цветаева, М. И. Избранное [Текст] / М. И. Цветаева [Сост., коммент. Л. А. Беловой]. – М. : Просвещение, 1989. – 367 с.